

— Отчего такой вопрос? — Се Чунъянь всерьез задумался, и в его глубоком, почти черном взгляде сквозило спокойствие.

Чэн Фань перевел взор на выставленный на подиуме лот.

— Он отличается от обычных нефритовых украшений. Тонкий нефритовый барельеф, ручная формовка, сложнейшая резьба... В этой вычурности кроется глубокий личный смысл, — неторопливо произнес юноша чистым и мягким голосом. — Мне кажется, столь редкие, особенные вещи нужно дарить только тем, кого искренне любишь.

Чэн Фань прекрасно знал, как поступают сильные мира сего: они осыпали фаворитов дорогими безделушками, для которых цена была лишь цифрой на чеке, но никак не признаком истинной ценности. Возможно, сказывалась его детская привязанность к подобным раритетам, но Чэн Фань видел в них душу — и этот нефритовый кулон не был исключением. Подаренный без искренних чувств, он лишился своей первозданной магии. И уж точно не годился для того, чтобы дополнить его безупречно подобранный наряд для вступительного экзамена.

— Девятнадцать миллионов! — поднял табличку мужчина в задних рядах.

— Двадцать миллионов! — тут же перебил ставку председатель корпорации «Хэньтянь».

Цифры неумолимо росли, но Се Чунъянь хранил молчание.

Наконец он негромко произнес:

— Не могу дать однозначного ответа. Все зависит от обстоятельств.

Чэн Фань опустил ресницы, решив не продолжать этот спор.

Однако Се Чунъянь добавил:

— А купить его для тебя я решил лишь потому, что твой экзаменационный наряд — нежно-голубого цвета. Мне показалось, нефритовая подвеска идеально к нему подойдет.

Чэн Фань удивленно вскинул брови и искоса взглянул на него:

— Разве мы делаем это не ради того, чтобы пустить пыль в глаза и разыграть семейную идиллию?

Се Чунъянь тихо рассмеялся:

— Пусть я и делец до мозга костей, но не во всем ищу выгоду.

Черная маска скрывала половину лица Чэн Фаня, мешая прочесть его мимику, но красивые миндалевидные глаза слегка сощурились.

— Что ж... Раз так, и если ты действительно хочешь преподнести мне этот подарок, я не стану отказываться.

На губах Се Чунъяня заиграла ленивая усмешка:

— Выходит, мне стоит благодарить тебя за снисхождение?

— Можешь считать и так, — кивнул Чэн Фань.

Се Чунъянь уже успел изучить капризный нрав своего спутника вдоль и поперек. Заговори так кто-то другой... Впрочем, никто другой просто не осмелился бы общаться с ним в подобном тоне.

Се Чунъянь решительно вскинул табличку:

— Двадцать пять миллионов!

В зале вновь зашептались, десятки удивленных взглядов устремились в их сторону. Подняв ставку сразу на пять миллионов, Се Чунъянь заставил остальных претендентов заколебаться. Ведущий трижды отсчитал удары молотка, и лот был продан.

Чэн Фань довольно сощурился — на душе у него потеплело.

Когда они отправились оформлять покупку, по пути им встретилось немало знакомых, среди которых оказались и те самые светские сплетницы, недавно шушукавшиеся у диванов.

Барышня Фэн приветливо шагнула навстречу:

— Брат Чунъянь, поздравляю с приобретением этой великолепной нефритовой подвески!

Се Чунъянь вежливо улыбнулся:

— Благодарю.

Щеки девушки мгновенно залил нежный румянец. Кокетливо прищурившись, она продолжила

разговор:

— Очки в золотой оправе вам невероятно идут.

— Да, — согласился Се Чунъянь. — Фань-Фань выбрал их для меня.

Хрупкий и тоненький Чэн Фань рядом с ним казался изящной фарфоровой куклой. Услышав это небрежное хвастовство, юноша удивленно вскинул взгляд, изучая безупречный профиль мужчины.

Барышня Фэн натянуто улыбнулась:

— У молодого господина Чэна превосходный вкус. Золото выгодно подчеркивает вашу статью.

Се Чунъянь мягко перевел взгляд на своего спутника:

— Пойдем заберем твою подвеску?

Чэн Фань, уже слегка утомленный шумом, прикрыл глаза:

— Пойдем.

— Прошу нас извинить, — бросил Се Чунъянь присутствующим.

Стоило им скрыться из виду, как на лице барышни Фэн проступило разочарование. Подруги тут же окружили ее, шепотом гадая, насколько правдивой была давешняя сплетня Фэн Инъин о некой «белой луне» — тайной любви Се Чунъяня.

Чэн Фань оставался в маске, открывающей лишь выразительные глаза. Большинство присутствующих не знали его в лицо, а высокий статус Се Чунъяня окутывал фигуру таинственного юноши еще большей интригой. Парочка папарацци улучили момент и тайком защелкали затворами камер, запечатлевая их идущими плечом к плечу.

В лаундж-зоне беседовали Линь Юйтань со своим отцом. Заметив приближающегося Се Чунъяня, председатель Линь тепло пожал ему руку:

— Чунъянь, не ожидал увидеть тебя среди претендентов на этот раритет. С каких пор ты увлекся нефритом?

— Через несколько дней у Фань-Фаня важный экзамен, — с вежливой улыбкой ответил Се Чунъянь. — Кулон отлично дополнит его костюм.

Председатель Линь, давно присматривавшийся к Чэн Фаню, доброжелательно кивнул юноше:

— Слышал я, что вы живете душа в душу. Теперь вижу, что слухи не врут.

Перед тем как попрощаться, председатель Линь, узнав о страсти Чэн Фаня к танцам, преподнес ему в подарок несколько изящных коллекционных вееров с костяными пластинами и пригласил супругов на предстоящий закрытый гала-концерт.

Когда они вернулись в особняк, старый дворецкий дядя Чэнь, заметив в руках Чэн Фаня роскошный футляр, приветливо улыбнулся:

— Младший молодой господин, что за чудесную вещь вы приобрели?

— Это его подарок, — буркнул Чэн Фань.

— Сразу видно, что он вам по душе, — тепло подметил дядя Чэнь.

Се Чунъянь в этот момент снимал пиджак. Чэн Фань бросил на него быстрый взгляд и, помешкав, процедил:

— Ну... сойдет.

Проводив взглядом взбежавшего по лестнице юношу, Се Чунъянь негромко обратился к дворецкому:

— Он ушибся. Принесите ему в комнату мазь от ссадин.

Дядя Чэнь лишь заговорщически улыбнулся: по виду Чэн Фаня было ясно, что ничего страшного не случилось. Куда больше старого слугу радовало то, какими мягкими и заботливыми становились повадки хозяина дома в последнее время.

— Будет сделано, господин Се.

Следующие два дня Чэн Фань без устали готовился к экзаменам в Университет К. Се Чунъянь как-то просмотрел его конспекты и заметил, что у юноши хромает физика, однако на общий высокий балл это повлиять не должно было.

В день экзамена Чэн Фань проснулся ни свет ни заря. Тщательно одевшись, он аккуратно закрепил на поясе драгоценную подвеску.

В зеркальном отражении его нежно-голубое одеяние, сочетавшее в себе современные веяния и традиционный китайский крой, выглядело благородно и изысканно. Тонкий силуэт, безупречные черты лица и врожденная грация Чэн Фаня идеально соответствовали этому классическому образу.

Он коснулся пальцами прохладной нефритовой подвески, затем присел на корточки, чтобы потрепать за ушком котенка Момо и попрощаться.

Поскольку Чэн Фань обладал выдающимися хореографическими способностями, наставники посоветовали ему сначала подать документы на актерский факультет, а позже получить двойную специализацию, совмещающую режиссуру и сценическое искусство.

Университет К по праву считался главной кузницей талантов во всей стране. Ежегодный творческий отбор привлекал тысячи одаренных и невероятно красивых юношей и девушек, превращая конкурс в настоящую битву за выживание. У ворот академии круглые сутки дежурили скауты крупнейших агентств и толпы преданных фанатов.

Вступительные испытания делились на два этапа: творческий конкурс проходил сейчас, а письменный экзамен по общеобразовательным предметам должен был состояться через две недели.

Дядя Чэнь лично отвез Чэн Фаня к экзаменационному корпусу и, прощаясь, мягко напутствовал:

— Не волнуйтесь, младший молодой господин. Господин Се просил передать, что вечером сам заедет за вами.

— Сам заберет? Что ж, пускай, если ему так хочется, — стараясь звучать равнодушно, ответил Чэн Фань, хотя уголки его губ невольно поползли вверх. Накинув поверх костюма легкое белое пальто, из-под которого скромно выглядывал подол нежно-голубого ханьфу, он легкой, парящей походкой направился к воротам. Широкие шелковые брючины колыхались при каждом шаге, делая его похожим на сошедшего с древнего свитка небожителя.

У входа толпились фанаты, ожидавшие своих кумиров. Среди них была и Доудоу — золотая молодежь, владелица нескольких популярных баров и по совместительству бессменная создательница крупнейшего фан-клуба суперпопулярного актера Ань Инлани. На поддержку своего кумира она без сожаления спустила миллионы юаней. Благодаря легкому нраву Доудоу дружила со многими фандами.

Внезапно, настраивая фокус на своем дорожном объективе, она шумно выдохнула сквозь жвачку:

— Офигеть!..

— Что там? — заинтересовались стоявшие рядом девчонки.

У Бай Доудоу задрожали пальцы. Она торопливо защелкала затвором, а затем открыла галерею на камере:

— Девчонки, идите сюда! Гляньте, какого нереального красавчика я поймала! Чистый небожитель!

— Дай посмотреть!

— Боже, какой он изящный... И походка совсем другая, не как у простых смертных.

— Это у него костюм для выступления под пальто? Какая грация!

Они столпились вокруг экрана, и когда Доудоу приблизила снимок, запечатлевший юношу в профиль, по толпе пронесся единодушный вздох восхищения:

— Обалдеть... Ну и красавец!

Доудоу почувствовала, как бешено заколотилось сердце. За годы в фандоме она повидала немало признанных звезд экрана, но этот парень... этот парень был совершенством. От него веяло холодной, неприступной гордостью истинного аристократа.

Ее основной аккаунт в вейбо насчитывал более четырехсот тысяч подписчиков, преданных фанатов Ань Инлани, поэтому для публикации сомнительного контента она использовала рабочий резервный профиль. Сгорая от нетерпения, она выложила туда четыре снимка с короткой подписью: * «Случайно встретила сегодня на экзаменах невероятного юношу. Какая неземная аура!»*

Надеясь еще раз увидеть таинственного незнакомца после окончания испытаний, Доудоу устроилась на скамейке неподалеку.

Тем временем во дворе университета Чэн Фань смирно ждал своей очереди, сжимая в руках пропуск на экзамен. Многолетние занятия балетом подарили ему идеальную осанку. Ближе к полудню солнце припекло сильнее, и, почувствовав духоту, он снял пальто, аккуратно перекинув его через руку.

Шелковые рукава его нежно-голубого наряда мягко струились, выгодно подчеркивая белизну и гладкость кожи, сиявшей в лучах утреннего солнца.

Прохожие все чаще замедляли шаг, заглядываясь на него. Несколько студентов старших курсов, набравшись смелости, подошли познакомиться и попросить контакты, но Чэн Фань

лишь вежливо и холодно покачал головой. Лишнее внимание его утомляло, и он поспешил накинуть пальто обратно. Однако слух о невероятном кандидате разлетелся быстро: у входа в экзаменационный корпус начали собираться зеваки, без устали щелкая камерами телефонов.

Чэн Ань, только что освободившийся после пар, с недоумением воззрился на толпу, осаждавшую корпус Чунмин.

— Что там стряслось? Опять какой-то скандал на прослушивании?

— Да нет, — отозвался однокурсник, вытягивая шею. — Говорят, пришел парень нереальной красоты. На студенческом форуме выложили пару его фоток, так сервер чуть не лег от наплыва комментариев.

Чэн Ань презрительно фыркнул:

— Тоже мне событие. Видали мы этих «красавцев».

— Пойдем глянем?

— Еще чего, — холодно отрезал Чэн Ань. — Отец устроил мне закрытые пробы, мне некогда тратить время на всякую ерунду.

Однокурсники прекрасно знали о его влиятельной семье и всячески заискивали перед ним, надеясь обзавестись полезными связями. Пробриться на вершину шоу-бизнеса без связей было практически невозможно.

Проходя мимо толпы у корпуса Чунмин, Чэн Ань мимоходом скользнул взглядом по удаляющейся фигуре в центре внимания. На секунду ему показалось, что этот силуэт до боли ему знаком...

Когда солнце коснулось линии горизонта, Чэн Фань наконец покинул экзаменационный зал. На душе у него было спокойно — строгие профессора не скрывали своего восхищения его выступлением.

Огромный черный «Роллс-Ройс Куллинан» уже ждал у обочины. Распахнув дверцу, Чэн Фань скользнул на заднее сиденье, но обнаружил, что оно пусто.

Дядя Чэнь виновато улыбнулся в зеркало заднего вида:

— Младший молодой господин, у господина Се возникли срочные дела на работе. К сожалению, он не смог приехать лично.

Чэн Фань молча уставился на пустое кожаное кресло рядом с собой.

На улице Доудоу разочарованно вздохнула: она так и не успела сделать новые четкие кадры — юноша стремительно сел в подкативший люксовый внедорожник и уехал.

В этот момент подруга яростно затормошила ее за плечо:

— Доудоу, глянь на свой твинк в вейбо! У тебя там больше двухсот тысяч репостов!

Бай Доудоу лишилась дара речи. Открыв приложение, она обнаружила, что ее спонтанная запись взлетела на пятую строчку горячих трендов под тегом #НеземнойЮношаИзУниверситетаК#.

Возбужденные пользователи завалили ее упоминаниями, умоляя раскрыть личность таинственного абитуриента.

Ошарашенная таким успехом, Доудоу поспешила закрепить комментарий: * «Ребята, я сама ничего о нем не знаю! Давайтеждемся публикации списков поступивших, тогда все прояснится»*.

Кто-то уже успел обработать ее снимки, превратив случайный кадр в идеальные высококачественные обои для телефона. И хотя на фото был виден лишь безупречный профиль юноши, этого хватило, чтобы затмить всех признанных красавцев исторических дорам.

Вдохновленная Доудоу тут же зарегистрировала новый аккаунт, решив создать первый официальный фан-клуб будущей звезды.

По дороге домой Чэн Фань не проронил ни слова. Дядя Чэнь, чувствуя исходящую от него холодную ауру, предпринял попытку разрядить обстановку:

— Младший молодой господин, чего бы вы хотели на ужин?

— Без разницы.

— Устали на экзамене?

— Нормально.

Поняв, что диалог не клеится, дворецкий благоразумно умолк.

Войдя в дом, Чэн Фань замер на пороге гостиной. На диванах в гробовом молчании восседали

Се Чунъянь, его отец Се Чантин и старейшина Се.

Атмосфера в комнате была наэлектризована до предела. Се Чунъянь со стеклянным, холодным взглядом сидел, плотно сжав губы.

Соблюдая приличия, Чэн Фань подошел поближе, вежливо поприветствовал старших членов семьи и присел на край свободного кресла.

Старик Се тяжело, оценивающе кивнул ему в ответ и со вздохом продолжил прерванный разговор.

— Все эти годы ты то и дело срываешься в Жунчэн. Думаешь, старик ничего не замечает? — Старейшина Се с силой оперся на набалдашник своей трости, в упор глядя на внука. — Оставь это, Чунъянь. Пора остановиться.

Се Чунъянь безучастно смотрел на паркет, упорно храня молчание.

— Смерть твоей матери в те годы... это была крайне нелицеприятная история, — раздраженно вмешался Се Чантин. — Сейчас к нашей семье приковано слишком много внимания. Какая нам выгода от того, что ты раскопаешь эту грязь столетней давности?

Только теперь Чэн Фань начал понимать суть разгоревшегося спора.

Очевидно, отец и дед Се Чунъяня всеми силами пытались заставить его прекратить расследование гибели матери.

Видя глухое упрямство внука, старейшина Се начал терять терпение:

— Чунъянь! Я доверил тебе бразды правления семейным делом только потому, что ценил в тебе хладнокровие и умение вовремя отпускать ненужное. Твое упрямство в этом вопросе меня глубоко разочаровывает.

Последние слова деда прозвучали негромко, но ударили по самому больному.

Се Чунъянь горько усмехнулся. Когда он поднял голову, в его обычно непроницаемом взгляде отразилась целая гамма подавленных чувств — глухая тоска и бессилие перед волей клана.

На мгновение их взгляды встретились. Чэн Фаню показалось, что эта неприкрытая боль, которую он сам слишком хорошо знал, пронзила его насквозь.

Неужели этот всемогущий мужчина тоже может быть настолько беззащитным перед чужой

жестокостью?

— Вы доверили ему управление корпорацией только потому, что он выдающийся лидер, способный приносить вам прибыль! — неожиданно для самого себя звонко выкрикнул Чэн Фань, в упор глядя на онемевших от такой дерзости старших Се. — Так по какому праву вы устраиваете этот дешевый моральный шантаж, запрещая ему искать собственную мать?

Стоявший неподалеку дядя Чэнь побледнел, заметив, как потемнело лицо старейшины. Он торопливо коснулся плеча юноши, умоляя его замолчать, но Чэн Фань уже не мог остановиться:

— Вы так легко требуете от него забыть обо всем лишь потому, что дрожите за свои акции и безупречную репутацию бренда. Для вас его мать — лишь досадное пятно на парадном костюме, чужой человек, о котором проще не вспоминать.

— Мы заботимся о благе всего клана Се! — гневно процедил Се Чантин. — В чем мы не правы?

— Трагедия уже случилась, — парировал Чэн Фань. — И вы всерьез думаете, что если засунуть голову в песок и сделать вид, будто ничего не произошло, репутация вашей семьи станет чище?

Он презрительно усмехнулся:

— Скажу прямо: вам плевать, потому что погибшую невестку можно заменить новой, а жену — найти другую. Но для Се Чунъяня она была матерью! Единственной! Неужели вы думаете, что ее можно заменить кем-то еще?

Маска благопристойного великодушия была безжалостно сорвана. Лица Се Чантина и старейшины сделались мертвенно-бледными от ярости.

Се Чунъянь сквозь стекла очков не отрываясь смотрел на Чэн Фаня. В его взгляде читалось глубокое, ошеломленное изумление.

Юноша резко поднялся с кресла, бросив на прощание:

— Вы отдали ему власть лишь потому, что никто другой не справился бы лучше. Не будь он столь чертовски хорош, вы бы давно нашли ему замену. Так что избавьте его от ваших лицемерных речей о сыновнем долге. Это выглядит мерзко.

Развернувшись, он стремительно покинул гостиную.

Вбежав в свою комнату, Чэн Фань все еще кипел от негодования. Он швырнул пальто на

кровать и опустился на стул, сердито подперев подбородок ладонями.

До чего же много на свете эгоистичных, бездушных тварей.

В тот момент Се Чунъянь показался ему до боли уязвимым.

Конечно, этот гордый мужчина вряд ли нуждался в чьей-то жалости и, возможно, даже разозлится на его неуместное вмешательство. Но Чэн Фань ни капли не жалел о содеянном.

Спустя некоторое время в дверь негромко постучали. Вошел обеспокоенный дядя Чэнь с тарелкой свежих фруктов.

— Младший молодой господин... — нерешительно начал он.

Чэн Фань поднял на него тяжелый взор:

— Говорите как есть.

— Вы сегодня в пух и прах разругались со Стариком Се и Господином Се, — вздохнул дворецкий. — В следующий раз... держите себя в руках.

Чэн Фань небрежно отправил в рот сочную виноградину и лениво протянул:

— Мне глубоко плевать на их мнение. Я не обязан подстраиваться под их капризы.

Дядя Чэнь лишь покачал головой и тихо удалился.

Настроение было безнадежно испорчено. Чтобы смыть с себя остатки дневного напряжения, Чэн Фань отправился в душ, решив пораньше лечь спать.

Около десяти часов вечера Се Чунъянь поднялся на чердак и принялся сосредоточенно перебирать старые коробки.

Дядя Чэнь, заглянувший к нему, удивленно спросил:

— Господин Се, здесь же хранятся ваши школьные архивы. Что вы ищете?

Мужчина извлек со дна ящика три аккуратных блокнота с обложками, украшенными репродукциями классической живописи.

— Мои конспекты по физике за старшие классы. Я собрал там лучшие формулы и шпаргалки для подготовки к экзаменам. У Чэн Фаня с этим предметом трудности, пусть почитает.

Дворецкий понимающе улыбнулся:

— Как чутко с вашей стороны.

Се Чунъянь промолчал, бережно смахивая пыль с обложек.

Когда они спускались по лестнице, дядя Чэнь шутливо заметил:

— Вам бы проверить их сперва. Вдруг среди старых страниц завалялось какое-нибудь забытое любовное послание от школьных поклонниц?

Се Чунъянь иронично изогнул бровь:

— Исключено. Я никогда не хранил подобную макулатуру.

Зная, что его подопечный в юности был абсолютно равнодушен к свиданиям, старик мягко поинтересовался:

— Неужели в школьные годы никто так и не заставил ваше сердце биться чаще?

— Вы и сами знаете, — спокойно отозвался Се Чунъянь. — Мне никто никогда не нравился.

— Зато теперь все изменилось, — с улыбкой возразил дядя Чэнь.

Они как раз подошли к спальне Чэн Фаня. Се Чунъянь на мгновение замешкался, а затем негромко произнес:

— Ступайте отдыхать, дядя Чэнь.

Постояв у двери несколько секунд, он решительно постучал.

Из-за двери донесся шорох торопливых шагов — судя по всему, юноша буквально соскочил с постели.

Створка приоткрылась, и на пороге показался Чэн Фань. Заметив гостя, он недовольно нахмурился:

— Решил устроить мне взбучку прямо посреди ночи? Мог бы и до утра подождать.

Поняв, что его намерения истолкованы превратно, Се Чунъянь поспешил объяснить:

— Я принес тебе кое-что полезное.

— И что же это? — с подозрением спросил юноша.

Се Чунъянь протянул ему стопку тетрадей:

— Взгляни сам.

Чэн Фань взял блокноты и небрежно пролистал первый попавшийся. В ту же секунду из веера страниц на пол выскользнул лаконичный белый конверт. Чэн Фань проследил за его падением взглядом и замер: на плотной бумаге каллиграфическим почерком было выведено слово «Признание».

<http://bllate.org/book/19809/1996176>